

Маргарита Графова

Эта музыка выше скорби

Баллада о леснике Теодоре

На опушке лесной
Жил лесник Теодор,
Под столетней сосной
Разводил он костёр.
Он любил солнца лик
И небесный простор.
Вот такой был лесник
Теодор.

Он кормил из руки
И волков, и лисиц,
Понимал языки
Соловьёв и синиц.
Средь дубов вековых
Пел ему птичий хор.
Вот такой был лесник
Теодор.

Но в безлунную ночь,
Что чернее, чем бес,
Раз цыганская дочь
Забрела в тёмный лес.
Лёгкий шелест травы
Нарушал тишину.
И летел крик совы
В вышину.

Но, увидев чертог
Сквозь полночную тьму,
Дочь цыган со всех ног
Устремилась к нему:
«Я искала огня,
Дорогой человек,
Так пусти же меня
На ночлег!»

Теодор средь лесов
Тридцать лет жил один—
Князь медведей и сов
И волков господин.
Не поднял он очей
На цыганскую дочь,
Лишь сказал тихо ей:
«Шла б ты прочь!»

Разорвал небо гром,
Озверела гроза.
Загорелись огнём
Той цыганки глаза.
И она в тот же миг
Посмотрела в упор:
«Будь ты проклят, лесник
Теодор!»

Не прошло и двух зим—
Захворал Теодор.
Как старик, стал седым,
И погас его взор,
Белый свет стал не люб...
А цветущей весной
Рвали вороны труп
Под сосной.

Нет скворцов и синиц;
Опустел шумный лес.
Нет волков и лисиц
И костров до небес.
Только ворона крик
Разрывает простор:
«Спи спокойно, лесник
Теодор!..»

Троя

Пала Троя, и Елена уже не прекрасна—
В недрах буйного века растворилась её ипостась.
Равнодушный закат угасает фиалково-красным,
Шёлк сибирского снега разъедает апрельская грязь.
Одинокая ночь похоронена в недрах хрущёвки,
Где недремлющим светом выделяется пятый этаж—
Там душицевый чай и варенье из дачной грушовки,
И насмешница-старость, не скрываясь, ведёт шпионаж.
Бесовница-тоска коронует на вечное царство,
Жёлтый плащ на плечах заменил королевский вельвет.
За любовь бледной девы, увы, не желает сражаться
Ни наследник Эллады, ни пахнувший водкой сосед.
Нет дороги к свободе из этого душного плена,
Все стальные мечи разобьются ударом оков...
Пала Троя. Немного— падёт и Елена,
Погребённая в склепе печальных и светлых стихов.

Байкал и Кама

Байкал не гремит, не волнуется, не течёт—
Алмазно-кристален воды пленивший лёд.
Он прочен, что обожжённая в пекле сталь,
И безразличен, как юной весне февраль.
Байкал не бурлит, не играет живой водой,
Он мёртв, словно ночь девицы немолодой.
Байкал не силён, не отважен и не кипуч,
Он скован, что солнце вуалью морозных туч.
Красавица Кама так радостна и юна:
Сражается насмерть с медной луной волна,
К утру не оставив противницы и следа—
Искрящейся глადью шёлка кровит вода.
Но волнам Байкала, увы, не пробить пути
В тот край, где обвенчан с Камой жестокий Стикс,
Где белые ночи плавают останки лун,
Где вечная музыка рвёт кровотоки струн.

Синяя

Маленькая безумная женщина,
Облачённая в синее,
Устрашает взглядом бешеным—
Рыжеволосая, некрасивая.
Вот идёт она, наполненная синим светом,
Мечтает с прохожими слиться...
И смеётся солнце, смеётся лето,
Смеются дома безымянной провинции.
Прохожие думают: «Меченая!
За какие грехи?»
Но они не знают, что синяя женщина
Пишет стихи,
Что в доме её с обоями синими,
Между чашек и старых игрушек,
Дремлют строки живые и сильные,
Способные обезоружить
Тысячи пустых и красивых женщин
В неизвестных провинциях и столицах.
Ибо такая— Богом отмеченная—
Раз в столетие родится...

Ода

Не собрать черепков горшечных,
Разделённых смертельной дробью...
Эта музыка будет вечной!
Эта музыка выше скорби,

Нарождённой от злого лета,
Обречённой на век бессрочный...
Эта музыка— звуки света—
Вещий голос крещенской ночи.

Захороненный не воскреснет,
Погребающий да обрящет
В сочетании строф и песен
Юный светоч души скорбящей.

Неразрывность живых творений
Станет выше бездарной смерти—
Так встречаются Бог и гений
На коротком земном концерте.

Для творцов не земля—могила,
Память славная— им гробница,
Где впечатаны грозной силой
Времена, имена и лица.

У творцов нет святого брака:
Их неволят иные узы,
В нервном споре огня и мрака
Обжигаются те союзы,

Как фиалки, цветут пороки,
Замирая чернильной речью.
Брызги нот поглощают строки,
Нежным шёлком вплетаясь в вечность,

Где в антракте пути земного
Обретутся смертельной вязью
Имена: дар живого Бога
И наследство мирского князя...

Дорожная

Бесконечная дорога,
Беспросветная тоска.
Мёртвый месяц тонким рогом
Тускло светит высоко,
Где бесчувственные звёзды
Украшают небеса...
Умирая, стонут вёрсты
Жутким скрипом колеса.
Остывающее лето
Давит холодом на грудь.
До туманного рассвета
Нескончаем трудный путь.
В вышине страдают птицы,
Извергая резкий крик,
И скрывается в гробнице
Побеждённой смерти лик.